

A photograph of a stone wall and a tower against a blue sky with power lines. The wall is made of dark, irregular stones, and the tower is a square structure with a small window. The sky is clear and blue, with several power lines crossing it. The overall scene is a rural or historical setting.

Натиг Расулзаде

**Жизнь и смерть
Кашмара Маштагаллы**

Натиг Расулзаде
Жизнь и смерть
Кашмара Маштагаллы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981731

Аннотация

Рассказ написан в жанре мистического реализма о жизни почти гротескового героя, который вдруг, в одночасье, будучи в двух шагах от смерти, круто поворачивает направление своей жизни, и начинает жить заново по тем принципам и правилам, которые были ему чужды до пятидесяти пяти лет. Однако резкое изменение спокойного, размеренного жизненного пути, по которому он шагал до сих пор не остается безнаказанным судьбой.

Натиг Расулзаде

Жизнь и смерть

Кашмара Маштагаллы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Жизнь, что до сих пор шла размеренно ровно, по накатанной знакомой дороге, вдруг будто взорвалась; словно игру «пазлы», где из кусочков собирается целая, чудесная картинка, неожиданно встряхнули и кусочки (сами по себе непонятные и нелепые, но правильно составленные как по волшебству превращающиеся в прекрасный, зеленый тихий уголок природы, где хотелось бы состариться) разлетелись в разные стороны, и теперь приходилось вновь собирать, чтобы восстановить, воссоздать и вычленив из хаоса гармонию. Началось с непонятного, почти абсурдного.

На крыше двадцатиэтажного дома они играли в карты, он проигрывал и, наконец, проигрался в пух, дотла, к такой-то матери, вывернул карманы, показывая, что нечем расплатиться. Тогда трое других игроков, побросав карты, поднялись, молча схватили его за руки, за ноги и поволокли к краю крыши, откуда также молча сбросили вниз. Говорил в данном случае только он, кричал, вопил, орал, просил подождать, уверял, что вернет долг, клялся детьми (а сам думал: можно, все равно никаких детей у него нет), просил не сбрасывать его с крыши, потому что жена очень расстроится, а если расстроится то тут же рассердится, а когда рассердится, то лучше ей под руку не попадайся – так двинет сковородкой – уши отлетят: ведь сегодня его очередь прибираться в доме. Но те трое не слушали никаких возражений и сбросили. Пролетая мимо пятнадцатого этажа, ему чудом удалось ухватиться за перила балкона, он подтянулся на руках и, задыхаясь от пережитого ужаса и напряжения, перевалился на чужой балкон.

Тут он проснулся, повернулся к жене, которая уже несколько минут безуспешно будила его, кричащего во сне, и произнес, еле переводя дыхание:

– Хорошо, что проснулся, не то разбился бы вдребезги.

– Опять? – спросила жена.

– Ага, – ответил он.

– Ну, сколько же можно!? Каждую ночь ты меня будишь своими воплями... Посмотри, который час...

– А который?

– Почти три ночи. Теперь уже не смогу заснуть...

– А что мне делать, если меня сбрасывают с крыши? Молча лететь?!

– Говорила тебе, говорила – бери с собой деньги. И почему ты все время проигрываешь? Хоть раз бы выиграл... Ты – жалкий неудачник, вот ты кто!

«Почему же неудачник? – подумал он обиженно, – к тому же – жалкий! Надо же! Вроде дела идут, зарабатываю, ни в чем не нуждаюсь...»

Но спорить не стал, промолчал. Он знал о неограниченных словесных ресурсах жены, и как она умеет бесконечно спорить сама с собой вокруг крохотной безобидной фразы; это походило на реплику, поданную забывчивому актеру из суфлерской будки, которая спровоцировала и помогла ему разразиться огромным монологом, и вот он уже на сцене мечет гром и молнии чужими, авторскими мыслями и давно уже забыл о бедном суфлере, подсказавшем реплику.

– Утром поведу тебя к гадалке... – продолжала жена. – Может, кто сглазил тебя? Она и колдовство снимает... Хотя, кому ты нужен?..

Он и на это не ответил, отвернулся от жены, стараясь заснуть.

– Еще раз разбудишь меня среди ночи, сама тебя с крыши сброшу, – пообещала она напоследок.

Наутро, предварительно позвонив и уточнив время, жена

отправилась вместе с ним к гадалке.

– Эта гадалка, Марьям-ханум, – говорила ему жена по дороге, – Это тебе не какая-нибудь современная шушера, это – высший пилотаж... Её и по телевизору показывали, рассказывала о белой и черной магии... Деньги взял?

Марьям-ханум встретила их нарочито деловито, с озабоченным видом.

– Рассказывайте, – сказала она. – У меня двадцать минут на вас.

Жена рассказала. Изложила все быстро и толково, с мельчайшими деталями.

Марьям-ханум расстелила перед собой на столе большой головной платок-келагай и обратилась к нему:

– Клади сюда побольше, не то на этот раз ночью долетишь до земли и разобьешься.

В смешливых глазах её бегали лукавые чертики, непонятно было, шутит она, или говорит серьезно.

Он под растерянным, но напряженным взглядом жены выложил все деньги, что взял с собой. Марьям-ханум ловким движением фокусника моментально смахнула деньги в карман своего халата.

– У вас ведь есть дети? – спросила она, обращаясь к его жене.

– Да, есть, – с готовностью откликнулась та, – мальчику уже двадцать шесть, окончил нефтяную Академию с отличием, женить хотим, работает в Сокаре, хорошо зарабатыва-

ет, хорошую девочку для него присмотрела, родители там же работают, в Азнефти, приличные люди, а дочка у нас еще студентка, на втором курсе Иняза, два языка знает, англ...

– Этого достаточно! – с трудом удалось перебить её Марьям ханум. – А почему же вы во сне думали, что детей у вас нет? – спросила она у него.

Он задумался.

– Как вас зовут? – спросила Марьям-ханум.

– Меня?

– Не забывайте – время у нас ограничено, в приемной уже ждут своей очереди следующие посетители, – торопливо и сердито проговорила Марьям-ханум.

– Меня зовут Кашмар, – так же торопливо в тон ей ответил он.

– Это что за имя такое? – возмутилась Марьям-ханум. – Вы что, шутите?

– Нет, нет, – еще торопливее вмешалась Наргиз, жена Кашмара и зачастила, сыпала словами, как горохом:

– Видите ли, их в семье было тринадцать детей, девять мальчиков, четыре девочки, Кашмар самый младший, последний, его родители умерли, некоторые из старших братьев тоже поумирали; когда он родился, он родился с волосами – на голове, конечно – и с открытыми глазами, долго молчал, внимательно изучая повитуху и потом только соизволил заорать, вот так он родился необычно, а что, матери его почти сорок лет было, когда последыша рожала, риск, ко-

нечно, всякое могло случиться, вот и случилось, и акушерка, то есть это просто повитуха была в деревне, она вдруг, когда новорожденный изучал её, воскликнула почему-то по-русски «Кошмар!», и его отец настоял, чтобы последнего сына так бы и назвали, потому что при произнесении этого слова повитуха дважды чихнула, причем в метрику имя вписали не совсем грамотно, через «а», «Кашмар», понимаете, потом у младенца очень скоро волосы отпали, глаза стали вовремя закрываться, он стал обычным младенцем, а необычное имя осталось. После смерти отца, когда Кашмар уже был совершеннолетним и получал паспорт, по его заявлению ему поменяли имя на Кашкай, а в семье между собой все равно называли его Кашмаром, в шутку, так сказать, да и привыкли за столько лет, и мне, как поженились, понравилось, Кашмарчиком его называла, вот так неофициально и осталось за ним прежнее имя, привыкли, а фамилию он совсем недавно менял, тут уж я возражала, была обычная человеческая фамилия – Мамедов, ну, ладно, хочешь менять, поменяй окончание, сейчас многие так делают, избавляются от русских окончаний «ов», «ев», – тараторила жена, боясь, что её перебыют и она не успеет все рассказать, – возьми и сделай Мамедли, так нет же, заупрямился, говорит, что я, хуже этих поэтов, что ли, они приклеивают себе такие прозвища, ханами и беками становятся, «ханлы», «бейли», хотя, как были плебеями, так плебеями и остались, а я что же, просто беру себе псевдоним, вернее – фамилию по названию своего род-

ного селения, что плохого: Кашмар, то есть, Кашкай Маштагаллы? Звучит? Не очень, – говорю я, но он заупрямился и поменял, так что, теперь он Маштагаллы, а я как была, так и осталась Мамедовой, знала бы, не меняла девичью фамилию...

– Хватит! – крикнула, прервав её, Марьям-ханум. – Достаточно!

Наступила звенящая тишина, которую тут же осторожно нарушил Кашмар.

– Это я сам назвал свое первое имя, думал, может вам так нужно, – сказал он.

– И правильно сделали, – одобрила Марьям-ханум, с опаской поглядывая на Наргиз, жену Кашмара. – Та-ак... – улыбаясь глазами протянула она, – становится все интереснее... Ну так, почему?

– Что почему? – спросил Кашмар.

– Забыли вопрос? – слегка осуждающе покачала головой Марьям ханум. – Что ж, немудрено после такой пространной речи, – она с укором посмотрела на Наргиз. – Почему имея детей вы во сне думали, что у вас их нет?

– Наверно, потому, – после небольшой взрывоопасной паузы ответил Кашмар, – что там я был гораздо моложе, лет двадцати-двадцати пяти, – неуверенно проговорил он. – Тогда еще я, кажется, не был женат. Или был?..

– Ты что? – возмущенно произнесла Наргиз.

– Ясно, ясно, – сказала Марьям-ханум.

– Ясно-ясно? А что ясно? – любопытствовал он.

– Это лично мне ясно. А то, что лично мне ясно вам может быть неясно, – она протянула жене Кашмара, вытащив из кармана просторного халата, что-то в крохотном холщевом мешочке, – положите это под его подушку. Только обязательно после совокупления.

– Марьям-ханум, – тихо и вежливо произнесла Наргиз, – простите, но у нас это происходит не так часто, все таки возраст: мне почти пятьдесят лет, ему еще больше, а если этого не будет, то можно просто класть под подушку?

– Очень хорошо.

– Хорошо? – не поняла Наргиз.

– Нет, плохо, – уточнила Марьям-ханум. – В любом случае есть близость, нет близости, это кладете под подушку после близости.

– Может, вы думаете, нам родить надо? – опять осторожно спросила Наргиз.

– А что же вам надо? Вы еще молоды, рожайте на здоровье!

– Да нет, мы по другому вопросу пришли! – уже нетерпеливо проговорила Наргиз.

– По какому еще вопросу!? Что может быть важнее детей? – раздраженно спросила Марьям-ханум и лицо её стало вдруг жутко меняться, на глазах стариться, за считанные секунды она из холеной шестидесятилетней женщины, которой никто бы не дал её возраста, превратилась в старую кар-

гу с запавшим беззубым ртом и глубокими морщинами по всему лицу. – Идите, идите, не отнимайте у меня время! Три раза в день по чайной ложке и не забудьте добавить каплю мочи молодой кобылицы! Пошли, пошли! – старуха поднялась из-за стола и, махая костлявыми руками, двинулась на супружескую пару, выпроваживая их из комнаты.

Они в страхе выбежали из квартиры, не обратив внимания на то, что прихожая была абсолютно пуста, вопреки утверждениям старухи, что другие посетители ждут своей очереди.

– Фу! – сказала на улице Наргиз, с трудом переводя дыхание. – Что за чертовщина!?

– Твоя знакомая! – ехидно напомнил Кашмар. – Высший пилотаж!

С этого дня кусочки игры, составлявшие жизнь Кашмара и до сих пор державшиеся на игровой доске, изображая идиллическую картинку, разлетелись в разные стороны, как осколки разбитого дорогого и хрупкого сосуда.

Жена совала Кашмару под подушку на ночь непонятный комочек, что дала им полусумасшедшая старуха-гадалка, но как только охваченный желанием, он начинал домогаться её, тут же вытаскивала комочек из-под подушки, а сама ворчливо и капризно подчинялась домогательствам.

– Выбрось эту дрянь! – пыхтя от усердия, с коим повторял однообразные телодвижения промеж раскинутых ног жены, произносил Кашмар. – Смотри, как бы на самом деле не под-

залетела на старости лет...

– Это кто из нас... – пыхтела в свою очередь жена из-под Кашмара, – это кто из нас... на старости лет?.. Ты на пять лет старше... Не забыл?..

Но кулечек, или мешочек, или узелочек – называйте, как хотите – с непонятным порошком в нем так и не помог, и Кашмар по-прежнему (если и не каждую ночь, то через ночь) орал во сне, не желая, чтобы его сбрасывали с крыши высотки, и не давал спать жене.

– Ты опять был без денег? – строго спросила она в первую ночь после посещения старухи.

– Да я же все ей отдал, этой старой аферистке! – оправдывался он.

Через две недели, когда стало ясно, что пребывание странного комочка с порошочком под ночной подушкой ничем не помогает, Кашмар решил попробовать принять внутрь подозрительное снадобье, растворил его на свое дилетантское усмотрение в стакане воды и залпом выпил.

– Ослиную мочу забыл, – сказала незаметно появившаяся за его спиной и следившая за его манипуляциями жена с порога кухни.

Кашмар вздрогнул, чуть не поперхнулся от испуга, отдышался и ответил:

– Где я её возьму?

– Сошла бы и твоя, – пошутила жена.

– Ну, ты, полегче, – сказал Кашмар. – За такие шутки зна-

ешь, что бывает?..

– А что?

– По шее схлопотать можно, – пообещал не очень уверенно Кашмар.

– Да неужели?

– И потом вовсе не ослиная, а моча кобылицы, – уточнил он. – Где её возьмешь, не в деревне живем...

– Да неужели? А мне казалось, все деревни переехали сюда, в город.

Выпитое снадобье тоже мало помогло, но эрекция стала более крепкой и частой.

Через некоторое время Кашмара стали беспокоить боли в почках, причем в обеих сразу. Наргиз нашла хорошего уролога-диагностика и они вместе отправились к нему на обследование.

– Ничем порадовать не могу, – сразу без обиняков сообщил уролог, ознакомившись с ответами анализов и обследований на УЗИ. – Почки заметно ослабили свою деятельность, причем, обе сразу, наблюдается тенденция к постепенному отказу, причем, обеих сразу... Я вам выпишу курс лечения, на всякий случай попробуйте. Но слишком уж стремительно пошел процесс, лучше бы в больницу лечь под постоянное наблюдение врача... Мой вам совет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.